

Архаизм и новаторство в практике первых русских переводов Платона

Вячеслав В.С. Иванов

ВИЗАНТИИ после запрета Юстиниана традиция Платоновской Академии продолжалась только в претворенной форме. Она возрождалась в других областях восточного христианства (например, в старой Грузии — в Гелатах возле Кутаиси), но не в России. Древняя Русь восприняла византийское богословское недоброжелательство по отношению к Платону (особые сомнения мог вызывать его тип мистицизма¹). На Руси о Платоне знали по цитируемым отрывкам или пересказам фрагментов его сочинений у переводимых на церковнославянский авторов. Его имя почиталось, но отношение к нему со стороны православной Церкви оставалось в духе поздневизантийской тенденции настороженным. Единичные похвалы таких нестандартных мыслителей, как Максим Грек, не меняли в целом этой картины². Как показали Чижевский и другие исследователи в работах о Платоне в Древней Руси, там на протяжении более семи столетий его не переводили³. Если кто тогда этим и занимался, тексты остаются нам неизвестными.

Изменение в этой части русского восприятия античности началось в последней четверти XVIII века. В то время открытие многих до того неизвестных чужеземных авторов было связано с публикаторской и публицистической работой Николая Ива-

1. Ср.: *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 327.
2. См.: *Абрамов А.И.* Оценка философии Платона в русской идеалистической философии. В кн.: Платон и его эпоха. Ленинград: Наука, 1977.
3. См.: *Чижевский Д.* Платон в Древней Руси. Записки русского исторического общества в Праге. Кн. 2. Прага, 1930.

новича Новикова и возглавлявшейся им группы авторов-розенкрейцеров. Такие периоды внезапного ознакомления широкой аудитории с утраченным или вовсе неизвестным и неосвоенным культурным наследием неоднократно происходили в русской истории. Как правило, они длятся недолго. Один из этих циклов начался недавно. Оттого особенно поучительно сравнение с более ранними отчасти сходными событиями. Приходится наблюдать длительные паузы (порой многовековые) и прерывающие их краткие временные подъемы, затрагивающие просвещенные круги общества.

Первые публикации переводов диалогов «Федон», «Первый Алкивиад или о человеческой природе» и «Пир» Платона (а также диалога «Теагес», в принадлежности которого Платону специалисты сомневаются) вместе с изложением по Платону «жизни и свойств Сократа» и с описанием жизни и трудов самого Платона появляются в масонском журнале «Утренний свет» Н. Новикова (начиная с первой его части), выходившем в 1777–1780 годах⁴ (Платон 1777–1779).

Новиков сам руководил философской стороной журнала и поместил в нем пять собственных статей на темы этики и философской антропологии. Они, как и платоновские переводы, написаны понятным языком, близким к разговорному. Как представитель гностического просветительства времени барокко, Новиков в своей писательской и издательской деятельности следовал принципам сочинительства, выбираемым в зависимости от задач текста⁵. Для популярных книг, обращенных к массовой аудитории, он предпочитал и рекомендовал ясную форму изложения. Сообщение более специальных сведений из области науки, истории, религии должно было совершаться в произведениях, написанных для просвещенной публики. Наконец, узкий

4. Жизнь Платонова // Утренний свет. 1779. Ч. 6. № 1. С. 1–40; Житие и свойства Сократовы // Утренний свет. 1777. Ч. 1. № 1. С. 1–44; Платон. Федон, или разговоры о бессмертии души. Разговор первый // Утренний свет. 1777. Ч. 1. № 2. С. 41–104; Он же. Федон, или разговоры о бессмертии души. Разговор второй // Утренний свет. 1777. Ч. 1. С. 104–144; Он же. Федон, или разговоры о бессмертии души. Разговор третий // Утренний свет. 1777. Ч. 1. С. 145–190; <Он же.> Пир Платонов о любви // Утренний свет. 1770. Ч. 5. № 1. С. 83–159; Он же. Первый Алкивиад или о человеческой природе // Утренний свет. 1778. Февраль. Ч. 2. С. 99–182; Теагес или разговор о мудрости // Утренний свет. 1778. Октябрь. Ч. 4. С. 106–140.

5. Иванов Вяч. Вс. Россия и гнозис // 500 years of Gnosis in Europe. Amsterdam, 1993. P. 12–21. См. английский перевод: Там же. С. 44–53; по-русски также издано в: Полигнозис. 1998. № 2. С. 134–156, и в: Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. IV. Семиотика культуры, искусства, науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 290–300. Ср.: «Утренний свет» Николая Новикова. Сб. М.: Рудомино, 2012.

круг текстов для избранных допускал эзотерические способы выражения: часть таких текстов для масонов Новиков печатал в особой тайной типографии, которой он располагал помимо той университетской и других (как вольная типография И. В. Лопухина), где публиковались многочисленные его общедоступные издания.

Новиков сам не интересовался проблемами авторства, и мы поэтому не знаем, кто из его группы масонов перевел оставшиеся анонимными переложения текстов Платона, но они руководствовались общими правилами, им изложенными.

По своему языку напечатанные в «Утреннем свете» переводы «Федона», «Критона» и «Пира» существенно отличаются от рассматриваемого ниже книжного издания, вышедшего несколькими годами позже. В журнальных переводах заметно стремление передать разговорную речь участников диалога возможно более живым образом. Книжные церковнославянские термины нередко заменяются обиходными (*философ* вместо *любомудра*⁶ и т. п.).

В качестве примера стиля, ориентированного на обычную беседу, приведем из напечатанного в «Утреннем свете» перевода «Пира» отрывок разговора Сократа с Диотимой:

Какъ, прервала она усмехаясь, можетъ почитаться любовь за великаго Бога между теми, которые не признають ее и за Бога? Да кто могутъ быть таковыя, сказалъ я? Ты и я, отвечала она. Какъ, прервалъ я, можешь ты удостоверить, что бы я хотя похожее на то выговорилъ? Я тебѣ сіе легко докажу, сказала она. Отвѣчай мне. Не уверяешь ли ты, что всѣ Боги прекрасны и счастливы? Можешь ли ты лишить одинаго изъ Боговъ сихъ преимуществъ? Нетъ, въ томъ клянусь Юпитеромъ, отвечалъ я. Не тѣхъ ли ты называешь счастливыми, которые обладаютъ благомъ и красотою? — Конечно тѣхъ. — Однако ты въ прежнихъ словахъ твоихъ не удостовѣрялъ ли, что любовь жаждетъ благого и прекраснаго; и что желаніе служить доказательствомъ лишенія того, чего желаешь? — Какъ я это утверждалъ? — Какъ же, прервала Диотима, можетъ быть Любовь Богомъ, бывъ лишена сихъ преимуществъ? — Я долженъ признаться, что сіе невозможно, отвѣчалъ я. «Такъ видишь ли ты, что ты не признаешь Любовь за Бога?»⁷

Сравним с древнегреческим подлинником и одним из признанных классическими современных переводов:

6. В узком кругу посвященных слово сохранилось до начала следующего века, когда так себя называли члены философского кружка, возглавлявшегося князем Одоевским, см. о них и Платоне Тихеев 2011, а также ниже.
7. Пир Платонов о любви // Утренний свет. 1779. Ч. 5. № 1. С. 140.

Καὶ ἡ γελάσασα Καὶ πῶς ἄν, ἔφη, ὦ Σώκρατες, ὁμολογοῖτο μέγας θεὸς
 εἶναι παρὰ τούτων, οἳ φασιν αὐτὸν οὐδὲ θεὸν εἶναι;
 Τίνες οὔτοι; ἦν δ' ἐγώ.
 Εἷς μὲν, ἔφη, σὺ, μία δ' ἐγώ.
 Καὶ γὰρ εἶπον, Πῶς τοῦτο, ἔφη, λέγεις;
 Καὶ ἡ, Ῥαδίως, ἔφη. λέγε γάρ μοι, οὐ πάντας θεοὺς φῆς εὐδαιμόνας
 εἶναι καὶ καλοὺς; ἡ τολμήσαις ἄν τινα μὴ φάναι καλὸν τε καὶ
 εὐδαιμόνα θεῶν εἶναι;
 Μὰ Δί' οὐκ ἔγωγ', ἔφη.
 Εὐδαιμόνας δὲ δὴ λέγεις οὐ τοὺς τάγαθὰ καὶ τὰ καλὰ κекτημένους;
 Πάνυ γε.
 Ἀλλὰ μὴν Ἐρωτὰ γε ὠμολόγηκας δι' ἔνδειαν τῶν ἀγαθῶν καὶ καλῶν
 ἐπιθυμεῖν αὐτῶν τούτων ὧν ἔνδεῆς ἔστιν.
 Ὡμολόγηκα γάρ.
 Πῶς ἄν οὖν θεὸς εἶη ὃ γε τῶν καλῶν καὶ ἀγαθῶν ἅμοιρος;
 Οὐδαμῶς, ὥς γ' ἔοικεν.
 Ὅρας οὖν, ἔφη, ὅτι καὶ σὺ Ἐρωτὰ οὐ θεὸν νομίζεις⁸;

Как же могут, Сократ, — засмеялась она, — признавать его великим богом те люди, которые и богом-то его не считают? — Кто же это такие? — спросил я. — Ты первый, — отвечала она, — я вторая. — Как можешь ты так говорить? — спросил я. — Очень просто, — отвечала она. — Скажи мне, разве ты не утверждаешь, что все боги блаженны и прекрасны? Или, может быть, ты осмелишься о ком-нибудь из богов сказать, что он не прекрасен и не блажен? — Нет, клянусь Зевсом, не осмелюсь, — ответил я. — А блаженным ты называешь не тех ли, кто прекрасен и добр? — Да, именно так. — Но ведь насчет Эрота ты признал, что, не отличаясь ни добротой, ни красотой, он воцелует к тому, чего у него нет. — Да, я это признал. — Так как же он может быть богом, если обделен добротой и красотой? — Кажется, он и впрямь не может им быть. — Вот видишь, — сказала она, — ты тоже не считаешь Эрота богом⁹.

Сопоставление журнальных и книжных переводов этого времени (ср. другие приводимые ниже примеры) заставляет усомниться в справедливости замечаний о языке переводов в первом (единственном вышедшем) томе истории русской философии Г. Г. Шпета¹⁰. Он следовал той отчасти справедливой критике тяжелого языка книжного издания, которое было дано в XIX веке значительно более успешным новым переводчиком Карповым. Но Шпету казалось, что отсутствие языковых возможностей передачи Платона по-русски делало всю затею переводов в XVIII веке преждевременной. С этим можно не согласиться. Язык журнальных

8. Платон. Пир. 202b10-d7.

9. Перевод С. К. Апта.

10. См.: Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Ч. 1. Петроград, 1922.

переводов показывает, что и в этой сфере намечалось противопоставление стилей, подобное тому, которое в художественной литературе начала XIX века вело к спору архаистов и новаторов¹¹. Сама возможность выбора одного из предложенных Ломоносовым трех основных стилей — высокого, принятого в основном в описываемом ниже книжном издании, среднего, к которому склонялись переводы новиковского журнала, и низшего-простонародного — существовала благодаря системе этих стилей.

За первыми журнальными переводами диалогов в «Утреннем свете», выдержанными в духе среднего стиля, допускавшего использование элементов церковнославянского происхождения в ограниченном числе, следует стилистически ему противоположное (как будет видно из приводимых ниже примеров) издание переводов И. Сидоровского и М. Пахомова, пользовавшихся в основном тем высоким стилем русского языка, который был еще предельно близок к русскому изводу церковнославянского, хотя слова и обороты диалогов переведены общепонятной разговорной русской речью. Сравним с приведенным выше отрывком из беседы Диотимы с Сократом (и с современным переводом С. К. Апта) переложение той же части диалога, выполненное М. Пахомовым:

Какъ, рекла она, возсмѣявшись, Любовь можетъ отъ тѣхъ утверждатися быть божествомъ великимъ, которые не признають ее божествомъ даже? Кто суть таковы, спросилъ я, сии люди? Единъ еси ты, отвѣтствовала она, и я есмь едина. Какъ сказешь, спросилъ я. Удобно, продолжала она, покажу сие. Возвѣсти, Сократъ, не утверждаешь ли, что всѣ боги суть блаженны и изящны? Или же дерзнешь утверждать нѣкоего изъ боговъ неизящна быти, ниже блаженна? Никакъ, Диотима. Блаженными же именуюешь, спросила она, не благая и изящная стяжавшихъ? Сихъ по истинн, я отвѣтствовалъ. Не зришь ли, спросила она, что и самъ ты Любви не признаешь за божество нѣкое?¹²

В цитированном месте пахомовского перевода отчетливо проступает его синтаксическая усложненность в сопоставлении как с журнальным переводом, так и с подлинником. Примечательны церковнославянские обороты с прилагательными типа «неизящна быти», «изящная стяжавших». Из лексических заведомых архаизмов, повторяющихся во всех текстах, обращает на себя внимание *рекла* = ἔφη, «зришь» = «видишь». Особенно показателен контраст совсем простой реплики «я и ты» в переводе новиковского журна-

11. См.: Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Ленинград: Прибой, 1929.

12. Платон. Федон // Творения велемудрого Платона часть первая переложенная с греческаго языка на российский И. Сидоровским и М. Пахомовым, находящимся при обществе благородных девиц. Ч. 1. СПб., 1780.

ла и насыщенного церковнославянизмами высокопарного «Единъ еси ты, отвѣтствовала она, и я есмь едина» с уже не употреблявшимися в разговорном языке формами настоящего времени глагола бытия (связки) «есмь», «еси». Русские богословы и религиозные философы соотносили Платона с православной мыслью и винили его в выявлявшемся несообразии. Переводчики первого собрания его диалогов стремились погрузить его в стихию священного церковного языка, затруднявшего понимание тем читателям, которые далеки были от церковнославянской речи.

Это издание избранных переводов было осуществлено в 1780–1785 годах и охватывает 25 диалогов. Остановимся на каждом из двух переводчиков, совершивших труд первого почти полного перевода сочинений Платона. Оба они были из незнатных семей вне столицы и испытали соответственные трудности в начале жизненного пути. Преодоление этих трудностей привело обоих к преподаванию в созданном при Екатерине II учебном заведении для девиц высокого сословия. Там они проработали вместе, став свойственниками и сопереводчиками многих древнегреческих авторов.

Иоанн Иоаннович Сидоровский (1748–1795) известен как писатель и филолог (лингвист-руссист)¹³. Он учился в духовной семинарии в Костроме и начинал там же преподавать древнегреческий язык и латынь¹⁴. Но недостаточность жалованья (постоянная беда российского учительского сословия до наших дней) и необходимость обеспечить деньгами семью вынудила просить о получении сана священника. В этом новом качестве он работал сперва в селе Сидоровском (откуда он родом, о чем говорит и его фамилия) среди враждебно настроенных старообрядцев. Приход был настолько бедный, что ему самому приходилось пахать. Он проявил незаурядные способности к выживанию и снова обратился с просьбой о перемене места работы. Благодаря содействию покровительствовавшего ему архимандрита (позднее митрополита) Гавриила Петрова¹⁵ он получил возможность стать священником в Новодевичьем Воскресенском монастыре, а потом учителем Закона Божьего в том Смольном институте для воспитания «благородных девиц», где работал и Пахомов. В связи с этой новой деятельностью, продолжавшейся до конца его недолгой жизни, он написал и выпустил учебные пособия

13. Никольский А. Иоанн Иоаннович Сидоровский // Большой биографический словарь. 1904.

14. См.: Андроников Н. О. Исторические Записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. Кострома, 1874.

15. В Российской национальной библиотеке хранится том переводов Платона с надписью Сидоровского П. Петрову. Он посвятил своему покровителю и один из своих церковных переводов с древнегреческого.

по церковным предметам: «Наставление юношества в христианской жизни» (1784) и «Изъяснение воскресных и праздничных евангелий» (Санкт-Петербург, 1783). После выхода первого тома платоновых переводов и других трудов он был выбран в Императорскую Российскую академию (специализировавшуюся, как и французская, на исследовании родного языка). Это новое звание Сидоровского указано во втором томе переводов Платона на титульном листе. В качестве члена академии Сидоровский участвовал в составлении «этимологического» русского словаря: им собраны слова на буквы З и О и составлено объяснение слов на буквы А и Б. Он сочинил также «Российскую грамматику» (1784–1786), в особенности разделы, посвященные словообразованию. Они в большей своей части вошли в изданную в 1794 году Академией наук «Граматику архиепископа Аполлоса»¹⁶. Он перевел кроме Платона и других греческих авторов, в том числе Лукиана, многие вместе со своим свойственником Матвеем Сергеевичем Пахомовым — писателем, переводчиком и профессиональным педагогом. Тот родился в 1745 году (сопереводчики почти однолетки, хотя и не строго ровесники), умер в 1792 году, незадолго до своего соперодчика. Пахомов был выходцем из купеческой архангелогородской семьи, в 1772 году из «студентов не у дел» он был определен в Воспитательное общество благородных девиц «для производства письменных дел в должность секретаря совета, также и для обучения благородных девиц и мещанских». Этим он продолжал заниматься и после издания его переводов Платона. Его продвижение по службе отмечалось званиями в соответствии с табелью о рангах. В 1775–1780 годах (как раз до выхода в свет первого тома издания переводов Платона) Пахомов имел чин коллежского регистратора, что указано в этом издании. Затем Пахомов, продолжая работу секретаря совета общества (такое его звание обозначено во втором томе издания переводов), обучал девиц российскому правописанию и грамматике. Он оставался до 1776 года единственным мужчиной-преподавателем в Смольном институте. С 1779 года он преподавал также географию, историю, французский и немецкий языки, арифметику и другие предметы. В 1783 году он состоял при И. Ф. Янковиче де Мириево в Комиссии по учреждению народных училищ и в этом году после реформы 1783-го в Смольном институте был назначен при Обществе благородных девиц и училище мещанских девиц надзирателем (в его обязанности входило составление еженедельных отчетов об успехах смолянок¹⁷). Он также обучал воспитанниц переводам с французско-

16. См.: Сухомлинов М. И. История Российской Академии. 1874. Вып. I.

17. Ср.: Пахомов М. С. Еженедельный отчет надзирателя о ходе занятий и успехах

го и немецкого языков на русский и арифметике, а кроме того был секретарем, получая за это сперва 500, а затем 800 рублей при готовой квартире. Состоя в этих званиях, Пахомов дослужился до чина коллежского асессора, а в 1792 году по прошению был уволен из Общества¹⁸. В том же году Пахомов скончался.

Пахомов участвовал в переводе и составлении учебных книг, перевел (совместно с П. Б. Иноходцевым) «Начальные основания математики» А.-Г. Кестнера (1792–1794. Ч. 1–2) и составил этимологию к грамматике А. А. Барсова. В 1775–1784 годах Пахомов вместе со своим свояком и коллегой по преподавательской работе священником И. Сидоровским перевел с греческого языка «Разговоры Лукиана Самосатского» (3 ч., СПб.); затем, с тем же Сидоровским, он перевел с древнегреческого языка нами более подробно описываемые «Творения велемудрого Платона» и книгу «Павсаний, или Павсаниево описание Еллады, то есть Греции» (3 т., СПб., 1788–1789). Пахомов перевел также с древнегреческого языка «Землеописание» Страбона, оставшееся неизданным. Кроме того, в журнале «Растущий виноград», который издавался Главным народным училищем в Петербурге, в 1786 году он поместил «Надгробное слово великомудрого Платона» (с греческого языка), вероятно предполагавшееся и для последнего тома незавершенного издания Платона, и следующие статьи: «Рассуждение о бытии Божии», «О красноречии», «О начале и прекращении красноречия между древними», «Аксиох, или о смерти» (с греческого языка) и «Слово похвальное Людовику, наследнику французского престола» (с французского языка; перевод, напечатанный в 1787 году, за два года до начала французской революции, и свидетельствующий о монархической благонадежности переводчика, посвящен графу П. В. Завадовскому, в прошлом фавориту Екатерины, занимавшему пост в Воспитательном обществе благородных девиц).

Совместный перевод первых томов сочинений Платона был выполнен обоими переводчиками по соглашению с Собранием, старающимся о переводе иностранных книг (на таких же основаниях до того ими был издан перевод Лукиана); последний том Платона вышел после прекращения деятельности Собрания.

смолянок с 27-го ноября по 3-е декабря 1783 года, представленный в Комиссию о учреждении народных училищ // Русская Старина. 1878. Т. XXIII. С. 316–318.

18. См.: *Лихачева Е. О.* Материалы для истории женского образования в России (1786–1796). СПб., 1890; *Лядов В. И.* Исторический очерк столетней жизни Воспитательного общества благородных девиц. СПб., 1864; *Черепнин Н. П.* Императорское воспитательное общество благородных девиц: Исторический очерк (1764–1814). Пг., 1915. Т. 1–3.

В вышедшем тремя томами издании переводов Платона И. Сидоровского и М. Пахомова использован в основном тот высокий стиль русского языка, который был еще предельно близок к русскому изводу церковнославянского языка, хотя отдельные части диалогов переведены на общепонятный разговорный русский язык. В предуведомлении к «Творениям велемудрого Платона» переводчики писали:

Некоторым явится, может быть, слог, в сем переводе употребленный, неприличен слогу, обыкновенным разговорам свойственному, а особливо если он сравняем будет со слогом неких немногих статей, другими из сего писателя переведенных прежде издания сих творений; поелику найдут они множайшие выражения, приличествующие паче ораторическому слогу, нежели разглагольственному¹⁹.

Сформулированное двумя переводчиками архаизирующее отношение к языку перевода (сопоставимое, скажем, со взглядами Тредиаковского²⁰) ими самими здесь охарактеризовано в противопоставлении разговорному стилю журнала Новикова. С точки зрения последующего развития русского литературного языка обилие церковнославянизмов в переводах Сидоровского и Пахомова выглядело как особый язык, близкий к старославянскому (ср. приводимую ниже его характеристику, данную князем Одоевским) или, вернее, к русскому изводу церковнославянского. Понимание его обычным русским читателем, далеким от церковной учености, было этим затруднено. Пахомов и Сидоровский употребляют, например, такие церковнославянско-русские формы 3-го лица единственного числа прошедшего времени, как *реклъ* «он сказал», и упомянутое выше *рекла* «она сказала» вместо синонимичных слов обиходного языка.

Сравним в «Федоне» два способа передачи начала диалога. Вариант «Утреннего света»: «Дражайший Федон, сам ли был ты у Сократа в то время, когда он принял яд или кто тебе об оном рассказывал». У Пахомова и Сидоровского: «Ехекратъ. Самъ ли ты, Федонъ, обрѣтался у Сократа в тотъ день, въ который онъ выпилъ ядъ въ темницѣ, или отъ другого кого о томъ слышалъ?»²¹ Греческий оригинал: «Αὐτός, ὦ Φαίδων, παρεγένου Σωκράτει ἐκεῖνη τῇ ἡμέρᾳ ἢ τὸ φάρμακον ἔπιεν ἐν τῷ δεσμοτηρίῳ, ἢ ἄλλου του ἥκουσας»²².

19. Творения велемудрого Платона., т. I, с. XII.

20. Ср. об этом: *Живов В. М.* Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX веков. М.: Институт русского языка, 1990. С. 226.

21. *Платон.* Федон // Творения велемудрого Платона. С. 175.

22. *Он же.* Федон. 57a1–3.

«Скажи, Федон, ты был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всем от кого-нибудь еще?» (перевод одного из лучших русских переводчиков последних десятилетий С. П. Маркиша).

Сопоставим также два варианта конца пояснений Сократа по поводу слов Диотимы. Вариант «Утреннего Света»:

Таковы были речи Диотимы. Я в них удостоверился, а сие побуждает меня удостоверять людей, елико возможно, что справедливая любовь есть самый надежнейший и легчайший путь к достижению блаженного бессмертия. — Почему любовь и бесконечно достойна почтения нашего.

У Пахомова это место диалога выглядит так:

се то, что Федр и прочие сопирователи, рекла Диотима. Я ей и сам верю и, уверенный, тщуся и других уверити, что естество человеческое не удобно может обрести какие-нибудь вещи содействующие боле, нежели любовь, к стяжанию бессмертия. Чего ради сказую, что всякому мужу надлежит любовь чтити²³.

Греческий подлинник²⁴:

Ταῦτα δὴ, ὦ Φαῖδρέ τε καὶ οἱ ἄλλοι, ἔφη μὲν Διοτίμα, πέπεισμαι δ' ἐγὼ πεπεισμένος δὲ πειρώμαι καὶ τοὺς ἄλλους πείθειν ὅτι τοῦτου τοῦ κτήματος τῇ ἀνθρωπιᾷ φύσει συνεργὸν ἀμείνω Ἔρωτος οὐκ ἂν τις ῥαδίως λάβοι. διὸ δὴ ἔγωγέ φημι χρῆναι πάντα τὰ ἄνδρα τὸν Ἔρωτα τιμᾶν. Ταῦτα δὴ, ὦ Φαῖδρέ τε καὶ οἱ ἄλλοι, ἔφη μὲν Διοτίμα, πέπεισμαι δ' ἐγὼ πεπεισμένος δὲ πειρώμαι καὶ τοὺς ἄλλους πείθειν ὅτι τοῦτου τοῦ κτήματος τῇ ἀνθρωπιᾷ φύσει συνεργὸν ἀμείνω Ἔρωτος οὐκ ἂν τις ῥαδίως λάβοι. διὸ δὴ ἔγωγέ φημι χρῆναι πάντα ἄνδρα τὸν Ἔρωτα τιμᾶν...

Вот что — да будет и тебе, Федр, и всем вам известно — рассказала мне Диотима, и я ей верю. А веря ей, я пытаюсь уверить и других, что в стремлении человеческой природы к такому уделу у нее вряд ли найдется лучший помощник, чем Эрот. Поэтому я утверждаю, что все должны чтить Эрота...²⁵

Выражения и слова, различающиеся в этих двух вариантах приведенных цитат, в нашем тексте подчеркнуты. Эти различающиеся части принадлежат к двум категориям. Первую составляют опыты возможно наиболее точной передачи смысла переводимого текста (удачи относятся преимущественно или почти

23. *Он же.* Федр / Пер. И. Сидоровского // Творения велемудрого Платона. Ч. 2. Пол. 1. СПб., 1783. С. 153.

24. *Он же.* Пир. 212b1–5.

25. Перевод С. К. Апта.

исключительно к книжному изданию) или же прямо противоположной попытке вольного пересказа (таково направление переводчика в новиковском журнале). Подобное противопоставление буквального перевода (обычного для научных изданий) и вольной передачи содержания (предпочитаемой романтиками) нередко повторялось в истории русской культуры. Слишком вольные переводы часто подвергались суровой критике со стороны теоретиков этого дела (по сути, они оказывались на стороне авторов цитированного выше предисловия). Проблема становится особенно важной в XX веке, когда и многие значительные поэты начали перелагать стихи иностранных авторов в субъективной романтической манере. Это вызывало отрицательную реакцию у известных теоретиков перевода.

Вторая категория несовпадений в цитированных переводах принадлежит или к высокому патетическому стилю, характерному для книжного издания (в приводимых текстах это отмечено жирным шрифтом) или же к разговорной манере новиковского журнала. Буквальный перевод обычно труден для понимания, что и заставляло Новикова и его сотрудников редко к нему прибегать в изданиях для непосвященных.

Оба переводчика академического издания были учеными. Их научный подход к поставленной задаче обнаруживается в стремлении прояснить смысл древнегреческих терминов и найти им должное соответствие. В примечаниях отмечается употребление у Платона одного слова в двух разных значениях, например превосходной степени κρείττων = kreittōn в смысле «изящнейший»²⁶ и «сильнейший». В других случаях обращается внимание на антонимические значения одного и того же слова (εὐθεία = euêtheia в смысле «благонравие» и «неразумие»²⁷). При переводе точного смысла терминов и греческих названий иногда переводчики затруднялись в подборе церковнославянского или русского соответствия и оставляли в тексте греческое слово без перевода, разъясняя его смысл в примечании. В некоторых случаях используются греческие заимствования, форма которых еще не устоялась. Такова форма *Муса* в значении позднейшего *Муза*: «Не знаем ли мы, что единому только градоправителю и законоположнику приличествует могущество внедрять царственно. Мусою сие самое в тех, кои причаствуют правому воспитанию и наставлению и коих мы теперь вспоминали?»²⁸ = Τὸν δὲ πολιτικὸν καὶ τὸν ἀγαθὸν νομοθέτην ἄρ' ἴσμεν ὅτι προσήκει μόνον δυνατὸν εἶναι τῇ τῆς βασιλικῆς μούσῃ τοῦτο αὐτὸ

26. См.: Творения велемудрого Платона. Ч. 2. Прим. на с. 445.

27. Там же. Прим. на с. 542.

28. Там же. С. 411.

ἐμποιεῖν τοῖς ὀρθῶς μεταλαβοῦσι παιδείας, οὓς ἐλέγομεν νυνδὴ;²⁹. С формой *Μυσα* связана и частая в этих переводах «*музикия*», в поэтическом языке сохранявшаяся вплоть до Тютчева, в значении «музыка», а в пахомовском переводе «Гражданств» «во всем течении всего сочинения» получающего вслед за Платоном значение «собрание всех наук, к благоустроению всех наук служащих»³⁰. В переводе и в изложении содержания книги 3-й того же сочинения Пахомов применяет в значении «совершенный музыкант, стяжавший высочайшее совершенство в музыке» существительное «*музикъ*», разъясняя его смысл для читателя, с таким словоупотреблением едва ли знакомого³¹.

Значительный интерес в переводе диалога «Градоправитель» представляет передача математической стороны рассуждений. В частности, можно отметить употребление в переводе Пахомова таких терминов, как «множество», которым при новом их осмыслении в рамках канторовой теории множеств предстояло большое будущее в русской терминологии математических текстов, особенно у членов Лузитании (школы Н. Н. Лузина). Можно думать, что труд Пахомова по переводу математического учебника, как и его работа преподавателя арифметики, помогли ему и в переводе и понимании математических терминов у Платона. Для своего времени показательны его примечания к этим терминам, в которых он пробовал охарактеризовать математические (в частности, геометрические) знания Платона и их ограничения (эта проблема занимает и теперь многих исследователей). Из терминов, относящихся не только к математике, но и к естественным наукам особенно можно отметить передачу мыслей об относительности свойств одного тела (скажем, его величины) по отношению к другому: «Поелику нет ни величины ни малости совершенной и неотносительной; отсюда едино и то же тело в одно время кажется великим по отношению к такому телу, и малым в отношении к другому таковому телу»³².

Высоко можно оценить и достижения переводчиков в русском переложении тех мест диалогов, где выступают термины, соответствующие будущим семиотическим³³.

29. Платон. Политик. 309d.

30. Творения велемудрого Платона. Ч. 2. Прим. на с. 501; Там же. С. 517–518.

31. Там же. Прим. на с. 459.

32. Там же. Прим. Пахомова на с. 751.

33. См. об использовании термина «знакъ» в переводе «Теэтета» Пахомова: *Иванов Вяч. Вс.* О первых русских переводах Платона. 500 лет гностицизма в Европе. Материалы конференции. М., 1994. С. 12–16 (в издании 2001 года: С. 14–19; а также: *Он же.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. IV. Семиотика культуры, искусства, науки. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 301–306); *Ivanov Vyach. V.* On the Etymology of

В некоторых случаях для точной передачи древнегреческого текста требуется ввести и новообразования — славянские сложные слова (*законоположник*, ср. также такие неологизмы, как *ското-питание*, *обще-питание*³⁴, *стадо-питание* и т. п.). Часть таких слов осталась за пределами научного словаря, как, например, *звездозаконие* (сложение основ «звезда» и «закон» с русским суффиксом) = «астрономия», «звездозаконник» = астроном; *звездозаконствовать* = заниматься астрономией³⁵. В таких крайних формах доведенного до предела пуризма обнаруживаются черты, оказывающиеся наиболее слабыми у архаистов в сопоставлении с новаторами (хотя, как и в других случаях, здесь новшества пытаются ввести именно архаисты, что характеризовало аналогичные опыты с языком русской литературы в начале XIX века и находит параллели в истории ряда литератур и языков Европы³⁶).

Особенность издания Сидоровского и Пахомова состояла в стремлении максимально сделать доступной мысль Платона, несмотря на предельную затрудненность стиля. Отдельным переводам предшествует достаточно подробное популярное изложение того, что представляется двум издателям важнейшим в содержании платоновского текста. Так, например, выполненному М. Пахомовым переводу «Федона» предпослано пространное «Содержание»³⁷. Приведу его заключение:

Сократ не хочет смешим быть со своим трупом. Труп, рекл он, да погребется, а не Сократ. По сем отходит во умывальницу, Предстают ему жена его и чада. Он беседа с ними краткое время, отгыти им от себя повелевает. Изшедши ему из умывальницы, подается чаша с ядом. Сократ ея приемлет; собирается мыслями в самого себя; возсылает моления, выпивает поднесенный ему яд с дивным духа спокойствием, и зря себя уже ко вратам смерти приближившася, предает душу свою в руки даровавшего ему оную. Таковые последние его действия поколебали дух всех тогда присутствовавших. Ни един из друзей не мог не про-

Latin Elementa // Elementa, Journal of Slavic Studies and Comparative Cultural Semiotics. 1993. Vol. 1. № 1. P. 1–5; *Idem*. Origin, History and Meaning of the term «Semiotics» // Elementa. 1993. Vol. 1. P. 3; *Ibid*. P. 116–120.

34. Слово, как и многие другие подобные изобретения, не вошло в обычный словарь того времени. Но связанное с ним сокращенное «общепит» оказалось востребованным в прошлом веке в языке революционных неологизмов.
35. Творения велемудрого Платона. Ч. 2. С. 761–762.
36. При известных преувеличениях в попытках заменить иностранные заимствования и международную терминологию древнегреческого и латинского происхождения пуристическими эвфемизмами можно напомнить и об исключительных успешных опытах этого типа, в частности, в исландском языке.
37. Платон. Федон // Творения велемудрого Платона. Ч. 1. С. 167–175.

лити слез обильных. Всех сердца пронзены были наичувствительнейшая печали стрелой о лишении толь дражайшего своего друга. Се кончина Сократа, мужа премудраго, справедливаго и добродетельнаго!³⁸

Этому краткому изложению отвечает пространный перевод текста Платона на с. 248–251. Недостатком этого опыта прояснения смысла оставалось использование того же церковного извода церковнославянского языка, соединенного с русскими словами, но мешавшего восприятию многих читателей вне церковного круга.

Стремление облегчить чтение определило и другие черты композиции издания. Намеченные переводчиками основные положения в качестве дополнительных подзаголовков выносятся на поля текста. Так, в конце диалога «Федон» на поля вынесены слова: «Должно умирати спокойно и с благословением»³⁹. В формулировочной части диалога «Градоправитель или О царстве» (= «Политик») появляется целая серия таких маргиналий, например: «В Египте Цари были жрецами купно» (в переводе этому на той же странице соответствует фраза «Сего ради не поводится в Египте никакому царю державствовати без жрецеского звания. Хотяж бы и случилось кому из инаго племени взотти на царский престол насильственно: должен однакож таковой по восприятию сего посвящен быть в сии таинства, дабы был он и царь и жрец совокупно»)⁴⁰.

Желание разъяснить смысл текста ведет иногда к его удлинению за счет вставки дополнительных синонимов и других вспомогательных элементов:

Где воздвлет быти единому начальнику: тамо да возводит он на сие достоинство таковаго и тот и другой нрав имеющего чело века. Гдеж востребует нужда быти большему числу начальников: тамо да определяет он, смесив часть тех и других совокупно. Ибо нравы начальников умеренных и кротких будучи весьма осторожны, справедливы и благотворительны находят нужду в некоей проворства и остроты части к происхождению действий способствующей⁴¹.

Ὁὐ μὲν ἂν ἐνὸς ἀρχόντος χρεῖα συμβαίνει, τὸν ταῦτα ἀμφοτέρα ἔχοντα αἰρούμενον ἐπιστάτην· οὐδ' ἂν πλειόνων, τούτων μέρος ἐκατέρων συμμεγνύντα. τὰ μὲν γὰρ σωφρόνων ἀρχόντων ἤθη σφόδρα μὲν

38. Творения велемудрого Платона. С. 174–175.

39. Там же. С. 250.

40. Платон. Градоправитель // Творения велемудрого Платона. Ч. 2. Пол. 1. С. 386.

41. Там же. С. 413.

εὐλαβῆ καὶ δίκαια καὶ σωτήρια, δριμύτητος δὲ καὶ τινος ἰταμότητος
ὀξείας καὶ πρακτικῆς ἐνδεΐται⁴².

Издание Сидоровского и Пахомова осталось неполным. Из примечания во второй части этого собрания диалогов⁴³ следует, что в третьей его части предполагалось поместить также и перевод диалога «Мудрователь» (= «Софист»). Судьба этого, вероятно, уже к тому времени сделанного перевода, как и нескольких других (оставалось всего четыре не напечатанных в этом издании текста), возможно по первоначальному плану тоже относившихся к третьей части, остается невыясненной, как и причины, остановившие все издание, уже приближавшееся к завершению. Быть может, оно отчасти случайно оказалось в ряду многочисленных книг, главным образом тематикой связанных с деятельностью масонского кружка Новикова. Его издания были запрещены или уничтожены по мере нарастания страха Екатерины в начале французской революции (она приказывает арестовать Новикова и Радищева). За четыре года до этого события оставилось издание Платона, а спустя шесть лет после революции один из переводчиков умер, другой еще за три года до того вышел на пенсию и сразу же умер. Финансирование издания могло быть затруднено прекращением деятельности Собрания, способствовавшего переводу иностранных книг (третий том, а возможно, и второй вышли уже без его поддержки). Смерть обоих переводчиков могла послужить лишь одной из причин прекращения почти законченного издания. Однако Сидоровский после выхода последнего его тома прожил еще 10 лет (а Пахомов 7) и продолжал работать и издавать другие переводы. Поэтому хочется понять и иные импульсы, помешавшие окончанию издания. Скончавшихся переводчиков едва ли могли заподозрить в нелояльности (о Пахомове и его переводе похвалы французскому наследнику см. выше). Но тайным объяснением прекращения первого полного издания могли быть не переводчики, а сам переводимый философ⁴⁴. Платон оставался вне пантеона мыслителей, признанных Русской Православной Церковью.

Переводы Сидоровского и Пахомова были изданы тиражом 800 экземпляров. Мы не знаем, сколько из них сохранилось, но они были не только в публичных, но и в частных библио-

42. *Он же*. Политик. 311а.

43. Творения велемудрого Платона. Ч. 2. С. 343.

44. В частности, к числу масонских книг, подлежавших уничтожению и конфискованных при аресте Новикова, входила и рукопись под названием «Платоново кольцо» Кирхвегера (см.: *Иванов Вяч. Вс.* О первых русских переводах Платона. С. 298).

теках⁴⁵. Из ранних стихотворений Пушкина можно заключить, что толстый том Платона (скорее всего, из этого трехтомника) был в распоряжении лицеистов. В раннее время своей жизни в «славяно-русский», по его определению, перевод Пахомова заглядывал князь Одоевский во время «продолжительного чтения» им Платона⁴⁶. Другие члены возглавлявшегося Одоевским кружка Любомудров, как Кошелев, не удовлетворялись существовавшими переводами и брались за собственные, до нас не дошедшие⁴⁷. Но деятельность кружка прекратилась после неудачи декабрьского восстания. Платон был снова окружен молчанием до начавшегося нового его открытия, которое окрашивает интеллектуальную жизнь следующего периода⁴⁸ и ведет к новым переводам — уже не на церковно-славяно-русский, а на разговорный язык — как бы вслед за самыми ранними опытами Новиковского журнала.

45. Мне самому посчастливилось с юности иметь возможность заглядывать в эти тома, потому что они были в богатом собрании философских русских книг у моего отца писателя Всеволода Иванова. Он купил их в двадцатые годы прошлого века, когда в книжных магазинах Москвы было много изданий из покинутых владельцами или разворованных собраний.

46. См.: *Одоевский В. Ф.* Русские ночи. Ленинград, 1975.

47. *Тихеев Ю. Б.* Платон в среде московских Любомудров // *Логос*. 2011. № 4 (83). С. 131–139.

48. *Он же.* Платон в оценке И. В. Киреевского // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета (РГУ)*. Серия Философия. Социология. 2010. № 13. С. 155–164; *Он же.* Платон в философии В. С. Соловьева 1870-х гг. // *Вестник ПСТГУ*. 2011. I. Богословие. Философия. Вып. 3 (35). С. 58–67; *Nethercott F.* Plato and the platonic tradition in Russian education, science, and ideology (1840–1930). Aldershot; Ashgate, 2000; *Nemura R., Sugiura S.* Puraton to Roshia プラトンとロシア (Платон и Россия). Sapporo-shi: Hokkaidō Daigaku. Surabu Kenkyū Sentā. 21-seiki COE Puroguramu. 札幌市: 北海道大学スラブ研究センタ; 2006. № 12.